

Эшли ДЬЮАЛ

**СМЕРТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д92

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Дьюал, Эшли
Д92 Смертельно прекрасна / Эшли Дьюал. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017. — 478, [1] с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-103624-9

Астерия — небольшой городок на Восточном Побережье, куда переезжает семнадцатилетняя девушка — Ариадна Блэк.

Ариадна потеряла семью, и теперь ей придется жить с двумя маминными сестрами — Норин и Мэри-Линетт Монфор. С виду добрые и заботливые, они заперты в четырех стенах своего старинного особняка Монфор-л'Амори.

Вскоре Ари замечает, что жителям Астерии совсем не нравятся ее тетушки. Более того, соседи их боятся. Но почему?

И главное — стоит ли Ари бояться самой себя?

© Эшли Дьюал, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Мы смотрели в лицо смерти,
И смерть моргнула первой.
Рик Янси. Пятая волна

ПРОЛОГ

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое. Постоянно. Ежедневно. Мы стараемся не обращать внимания, но этот шар все кружится, и на наши головы выпадают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще. Возможно, даже лучше.

Я, например, терпеть не могу разговоров с предками об учебе. Каждый раз, когда они заводят эту песню — а делают они это довольно часто, — я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с обрыва. Неплохой выход. Учитывая, что нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери чертовски раздражают. Спрыгнуть с какого-нибудь утеса легче, чем в очередной раз выслушать их байки о будущем и прочей чепухе. Однако каждый раз мне приходится возвращаться к реальности, и я просто киваю. Порой приходится кивать дважды, чтобы мама перестала причитать. Уж если она начинает, то остановить ее сложно.

— Ты ведь особенная...

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. А я считаю ее наставления

глупостями, но молчу, иначе она расстроится. Она жутко впечатлительная. Иногда я думаю, что она удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. Настоящую историю. А не ту, в которой толстый мужик лазит по трубам и разбрасывается подарками.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окнами машины ни черта не видно.

Дворники ритмично скребутся о лобовое стекло. И нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в супермаркет на отшибе мира. Не то чтобы я так уж хотела сейчас сидеть на занятиях, просто такие совместные поездки вечно заканчиваются одинаково. Сцеплюсь с матерью — вступает отец. Ну и, в заключение, занает сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недоумкам, которые не заботились о своем будущем и поэтому погрязли в омуте собственного безумия. Она реально считает, что у меня есть что-то общее с этими маньяками? Да, мама всегда придет на помощь. Но плохо то, что она пытается помочь даже тогда, когда помощь мне не требуется. Одна из вещей, которая мешает нам понять друг друга.

— Ты не пробовала записаться на дополнительные занятия по рисованию?

— Да пошло оно все, мам.

— Ари! — Она оборачивается, смотрит на меня огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. И дело не в крепких выражениях. Ругаться я могу сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя забывать о мать-его-прекрасном-будущем. Мама возвела целый храм поклонения како-

му-то там будущему, которого может и не случиться! Нет чтобы сказать: Ариадна, забудь о дополнительных занятиях, они для неудачников. Ариадна, прислушивайся к себе и своим желаниям. Нет! Ари, цепляйся за все что только можно и несись вперед так, будто за тобой мчится поезд!

— Мам, я слушаю музыку.

— Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и отворачиваюсь.

— Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю, — вздыхает мама. В ее потускневших глазах неожиданно мелькает печаль. — Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

— Мам, к чему все это? Что за упадническое настроение?

— Просто... — Она застывает, так и не договорив. Отец посматривает на нее с тревогой. Мама встряхивает темными волосами и вновь ровно усаживается на сиденье. — У меня плохое предчувствие.

— Предчувствие? Опять эти твои штучки, — я закатываю глаза, — что на этот раз? Увидела дурной знак в чайной заварке или сон плохой приснился?

— Ари, — протягивает отец, — хватит.

— А что? Мне просто интересно. Вечно тебе что-то в голову взбретет, а мне отдуваться.

— Я когда-то ошибалась? — Мы с мамой вновь смотрим друг на друга. Взгляд ее карих, почти черных, глаз проникает внутрь меня, заставляя съежиться от непонятного ощущения. — Стоит ли напоминать о том дне, когда ты...

— О, нет!

— ...решила сходить на свидание с Беном МакКаффи? Я говорила, не ходите в кино. Но ты, конечно, назло

мне и всему миру, согласилась на фильм, как он назывался? По-дурацки как-то.

— «Всегда говори всегда», — подсказывает папа.

— Да, точно. А потом... что случилось потом?

— Хватит, — я чувствую, что краснею, — ма-а-ам!

— Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подруга Синтия. И Бен целый вечер не мог глаз от нее оторвать.

— Это нечестно. Такое один раз случилось.

— Такое постоянно случается, — смеется отец. — Ты вечно нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные занятия, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

— Собственное мнение.

Мама вскидывает руки. Лора повторяет ее жест, будто играет в какую-то игру, а я вздыхаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно не ругаться, а просто разговаривать?

Покрышки шуршат по мокрому асфальту. Папа все поглядывает на меня, криво улыбаясь. В салоне жарко, окна запотели, капли скатываются по стеклам, как слезы по щекам Лоры, когда та ревет из-за мультиков. А затем неожиданно впереди что-то вспыхивает. Мама кричит, но я не разбираю слов. Папа выворачивает руль, и машина слетает с обочины напрямиком в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое. Постоянно. Ежедневно. Мы стараемся не обращать внимания, но этот шар все кружится, и на наши головы выпадают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще. Возможно, даже лучше.

Но мы не всегда понимаем, что значит «лучше», что значит «плохо». Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот самый момент, когда Лора, этот маленький, надоедливый монстр, застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родителей бросает вперед от сильнейшего удара, я понимаю, что готова жить в том «плохом», которое у меня было. Что мое «плохое» — на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после — ничего.

Глава 1

АСТЕРИЯ

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь возле двухэтажного особняка. Захлопываю дверь машины и скептически осматриваю свое новое место обитания. Дом старый, но выглядит прилично. Черная крыша, стены сероватые. Я плохо разбираюсь в архитектурных стилях. Здесь определенно жило не одно поколение Монфор-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибется, называя ваше имя.

Дует теплый ветер — южное приветствие южного городка Астерия.

Я закрываю глаза и втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить. Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил моего разрешения, когда выехал на встречную полосу. И в больнице меня не спрашивали, назначая терапию. Собственно, социальный работник тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, живущим на неплохое наследство, оставленное прадедушкой. За меня все решили. Мне остается лишь делать вид, что я живу, что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю из багажника тяжелые сумки и на автомате плетусь к дому. Толкаю скрипучую калитку, медленно иду по каменной дорожке. Притаившийся на дереве ворон громко каркает.

Бросив сумки на коврик перед дверью, трясу головой и прохожусь ладонями по лицу. «Просто плыть по течению». Это все, что нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. Он пообещал мне. На это я ответила, что он идиот, что все это полная чушь, и что, если он продолжит нести нечто подобное, я выбью его идеальные зубы. Вот такими мы обменялись обещаниями. И он больше никогда не втягивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

Набрав в легкие воздуха, собираюсь постучать, но дверь неожиданно распаивается, и я едва не проваливаюсь в пустоту.

— Ариадна, — улыбается на пороге тетя Мэри-Линетт. Глаза у нее светло-изумрудные. Таких я никогда прежде не видела. — Наконец-то ты приехала!

Мэри-Линетт называли в честь сразу двух кинозвезд далеких пятидесятых. Родители долго не могли опреде-

литься, какое из имен ей больше подходит, и в итоге решили не заморачиваться.

Моя мама часто рассказывала эту историю. Каждый раз смеялась. Мама.

Я отворачиваюсь и сжимаю кулаки. Мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивают лоб и щеки.

— Ариадна, — тетя Мэри кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. — Когда-нибудь тебе станет легче.

— Что?

— Проходи в дом. Норин почувствовала, что ты скоро подъедешь, заварила чай, подогрела ужин. Ты ведь проголодалась? — Она смотрит на меня огромными глазами, а я вдруг понимаю, что мне давно не было так спокойно... Но едва тетя убирает руку с моего плеча, как тревога тут же возвращается.

— Мне нужно...

— Не стой на пороге. Я занесу вещи.

Мэри-Линетт энергично подхватывает сумки. Откуда у нее столько сил? На самом деле Мэри старше меня всего лет на десять. И в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не поняли, в какое дерьмо вляпались. Жизнь ведь дерьмо. Я могу написать об этом книгу.

В доме темновато, пахнет какими-то травами. Повсюду на стенах старинные зеркала и черно-белые фотографии. Половицы скрипят под ногами. Громко тикают часы.

— Ты хорошо выглядишь, — улыбается тетя Мэри, — просто красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

— Ничего я не разбивала. И выгляжу я обычно. — Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто бы все в

порядке, будто бы болтать о парнях сейчас — нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по тетушкам. Умерли мои родители. И я не могу просто взять и выбросить это из головы.

— Было бы неплохо как-нибудь прогуляться, Ари. Я покажу тебе город.

— Было бы неплохо привыкнуть с мыслью, что я здесь. А не дома.

Мэри-Линетт вздыхает, но улыбаться не перестает. Не понимаю, как она так может? Почему еще способна разговаривать? Почему улыбается, будто ничего не случилось?

В уютной кухне возле плиты стоит средняя сестра моей матери — Норин. Высокая худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Тонкими длинными пальцами она рвет листья салата в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосые туфли. Наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки на пол. Тетя Норин наконец оборачивается, сощутив серо-голубые глаза.

— Ариадна? — совсем тихо произносит она, вытирая ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, Норин будто прилетела из девятнадцатого века. — Ари.

Тетя решительно шагает ко мне и вдруг так крепко прижимает к себе, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони на ее плечи.

— Как ты? — шепчет она мне в волосы. — Устала?

Не найдя, что ответить, молча зажмуриваюсь и неожиданно понимаю, что провела бы в этих объятиях вечность. Но тетя так же решительно отстраняется и направляет высокий ворот свитера.

— Садись. Поешь и выпей чаю. Я приготовила тебе комнату на втором этаже.— Норин отворачивается и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то.— Ты любишь мяту?

Едва успеваю открыть рот, как тетя отвечает:

— Да, любишь. Точно.

Растерянно усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, сцепляет в замок пальцы. В кухне повисает неловкая тишина, будто мы видим друг друга впервые. Я смущенно тереблю волосы, связываю их в пучок.

— Как доехала? — деловым тоном интересуется Норин.

— Хорошо. Без проблем.

— Мы отдали твои документы в школу. Занятия уже идут. Но...

— Но идти завтра необязательно,— громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру,— если хочешь, отсидись тут пару дней... или недель. Ничего не случится.

— Хотя лучше,— спокойно парирует Норин,— уроки не пропускать. Все-таки начало года...

— Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

— В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

— А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

— Ей нужно ходить в школу.

— А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить,— шепчет она, наклонившись ко мне, а затем вновь глядит на сестру.— Ариадне надо освоиться. Вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Я лишь растерянно хлопаю ресницами. В воздухе чувствуется напряжение. Ну и странные же у них отношения.

— Как скажете. Завтра в школу? Хорошо.

— Мы так не говорили...

— Я так сказала, — заявляет Норин холодным тоном.

— Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

— Я сейчас дам тебе понюхать асафетид, — угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетид — это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

— Все в порядке, вы чего? — Я примирительно поднимаю ладони и встаю из-за стола. Обе тетушки внимательно смотрят на меня. Никогда раньше не замечала, что они так похожи. — Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

— Это необязательно.

— Тетя Мэри, все в порядке. В школу пойду, чтобы хоть чем-то занять мысли.

— Реджина бы хотела, чтобы ты пошла, не пропускала занятия и не теряла время, — шепчет Норин. — Потому что надо двигаться дальше. Я хочу, чтобы ты двигалась дальше. Понимаешь?

Она смотрит на меня пронзительным взглядом, а затем отворачивается, и я с силой сжимаю пальцы в кулаки.

— Понимаю. Я в комнату пойду, хорошо?

— Тебя проводить? — тетя Мэри встает со стула, но я покачиваю головой.

— Не надо. Я спущусь попозже, — я пытаюсь улыбнуться, но выходит плохо. Тетя Мэри бледнеет. — Все в порядке. Честно.

Зачем я это говорю, кого пытаюсь убедить? В горле застревает колючий ком. Подхватив с пола сумки, я сры-

ваюсь с места, надеясь поскорее найти свою комнату и спрятаться.

Наконец дверь захлопывается за моей спиной. Бро-саю на пол вещи. Хватаюсь ладонями за лицо и неволь-но начинаю расхаживать по комнатухе туда-сюда. Я ничего не вижу. Все превращается в огромное чер-ное пятно, и оно сваливается на меня, будто гигантский камень. Внезапно я вижу свое отражение в большом прямоугольном зеркале. Со мной что-то не так. Подхо-жу ближе. На щеках мокрые дорожки, глаза красные, а губы дрожат, словно от холода. Я пытаюсь успокоиться, но грудь так и пылает неистовым, безжалостным пожа-ром... Надо успокоиться. Закрываю пальцами глаза, а слезы все равно катятся. Стискиваю зубы, а подборо-док все равно дрожит. В конце концов я беспомощно ложусь на кровать, обняв колени. Доктор сказал, что однажды мне станет легче. Какой же он все-таки ублю-док.

Не знаю, сколько проходит времени, час или два. Нужно найти в себе силы подняться. Что ж, комната со-всем небольшая. Стены черные, широкое окно, серый тюль. Мне нравится. Люблю полумрак. Чувствую себя спокойнее, будто темнота способна скрыть то, чем я не хотела бы делиться.

У стены небольшой деревянный комод и стол. Особо не заморачиваюсь, раскрываю сумки и просто запихи-ваю вещи в ящик. С трудом, но все же закрываю комод. Из книг на столе сооружаю шаткую пирамиду. Сойдет. О том, что надеть в школу, даже не думаю, тем более что я не собираюсь ни на кого производить впечатление.

Переодевшись в мятый свитер и любимые старые кроссовки с протертыми пятками, выхожу из комнаты. Мне нужно освежиться.